

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 05.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-12-28-33

НИКОНОВА Наталия Владимировна,
кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры высшей математики
Казанского национального исследовательского
технологического университета (ФГБОУ ВО «КНИТУ»),
e-mail: zarnik@mail.ru

БАРАБАНОВА Светлана Васильевна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры инновационного предпринимательства,
права и финансового менеджмента
Казанского национального исследовательского
технологического университета (ФГБОУ ВО «КНИТУ»),
профессор Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия,
e-mail: sveba@inbox.ru

ШАГИЕВА Розалина Васильевна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры частного права
Государственного университета управления ФГБОУ ВО «ГУУ»;
профессор кафедры теоретико-правовых дисциплин и международного права
Российской таможенной академии (ФГКБУ ВО «РТА»),
e-mail: shagsas@mail.ru

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ В СФЕРЕ ДЕМОГРАФИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье проводится анализ стимулов и мотивационных установок различных возрастных групп детородного возраста к деторождению и многодетности. Авторы выделяют ключевые факторы, влияющие на решение о рождении первого ребенка и последующих детей: экономические факторы, социально-культурные нормы, семейные традиции, индивидуальные ценности, возрастные нормы. Авторы подчеркивают необходимость дифференцированного подхода к формированию демографической политики, учитывающей возрастные, национальные, особенности, типы мотивации и восприятие государственных мер поддержки в контексте современных социальных преобразований.

Ключевые слова: демография, государственная политика, рождаемость, традиционные духовные и нравственные ценности.

NIKONOVA Natalia Vladimirovna,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Associate Professor of the Department of Higher Mathematics
of Kazan National Research Technological University
(FSBEI HE "KNITU")

BARABANOVA Svetlana Vasilievna,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Innovative Entrepreneurship,
Law and Financial Management of Kazan National
Research Technological University
(FSBEI HE "KNITU"),
Professor of the Kazan Branch
of the Russian State University of Justice

SHAGIEVA Rozalina Vasilievna,
*Doctor of Law, Professor, Professor,
 Department of Private Law, State University of Management,
 FSBEI HE "GUU"; Professor of the Department
 of Theoretical and Legal Disciplines and International Law
 of the Russian Customs Academy (FGKBU HE "RTA")*

ON STATE POLICY IN THE FIELD OF DEMOGRAPHY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article analyzes the incentives and motivational attitudes of various age groups of childbearing age to childbearing and large families. The authors identify key factors affecting the decision to give birth to the first child and subsequent children: economic factors, socio-cultural norms, family traditions, individual values, age norms. The authors emphasize the need for a differentiated approach to the formation of demographic policies that take into account age, national, characteristics, types of motivation and perception of government support measures in the context of modern social transformations.*

Key words: *demography, public policy, fertility, traditional spiritual and moral values.*

Государственная политика в сфере демографии в современной России связана с изменениями в Конституции Российской Федерации, с провозглашением новых и с возрождением прежних ценностей и традиций, с новыми национальными проектами и федеральными программами. Государственная демографическая политика сегодня – это комплекс мер (экономических, административных, социальных), которые государство использует для воздействия на демографические процессы, такие как рождаемость, смертность и миграция, с целью формирования желаемой структуры населения. Основные направления включают финансовую поддержку семей с детьми, создание условий для сочетания работы и семьи, снижение смертности и повышение продолжительности жизни, а также регулирование миграционных потоков.

Авторы остановятся на факторах стимулирования деторождения и мотивационных установках различных возрастных групп к деторождению и многодетности.

Для формирования государственной политики в сфере деторождения требуется изучение современных моделей мотивации к рождению детей. Они охватывают исследования в области демографии, социологии, экономики и психологии и в наименьшей степени – юриспруденции. Рассмотрим ключевые модели.

1. Экономическая модель

Ряд авторов (к примеру, Гэри Бекер) рассматривает детей как «инвестиции» или «потребительские блага», где решение о рождении зависит от соотношения затрат (финансы, время) и выгод (поддержка в старости, эмоциональная отдача). В современных исследованиях отмечается, что в

условиях экономической нестабильности (инфляция, безработица) доминирует мотив отсрочки рождения детей. Государственные меры (пособия, налоговые льготы) могут усилить экономическую мотивацию к рождаемости для отдельных категорий населения. Льготы по материнскому капиталу в России имеют заметное положительное влияние на рождаемость, особенно на рождение вторых и последующих детей. С момента введения программы в 2007 году, благодаря материнскому капиталу родилось дополнительно около 2-2,5 миллионов детей, что составило от 13 до 17% всех рожденных вторых и последующих детей. Увеличился коэффициент суммарной рождаемости. Особенно заметен рост вероятности рождения третьего и последующих детей, чему способствовали и федеральные и региональные программы, а также меры поддержки ипотечных субсидий для рождающих третьего ребенка. Льготы по материнскому капиталу дают комплексный эффект, являются и финансовой поддержкой и демографическим стимулом.

2. Трудовая модель

Известно, что на протяжении последних десятилетий существует конфликт между карьерой и желанием стать родителями, «родительством». Гибкие формы занятости и гендерное равенство в распределении обязанностей повышают готовность к рождению. Достаточно изучить опыт скандинавских стран, где отцы в обязательном порядке отправляются в отпуск по уходу за ребенком (на часть срока, чередуясь с матерью ребенка).

Удаленная работа и цифровые сервисы (доставка, онлайн-образование, электронное правительство, портал государственных и муници-

пальных услуг) становятся новым фактором, облегчающим совмещение родительства и карьеры [9].

3. Брачно-статусная модель связывает рождаемость с устойчивостью брака и социальными нормами.

Отношение к браку тесно связано с уровнем рождаемости в России. Пары, состоящие в официальном браке, имеют более высокую рождаемость по сравнению с незарегистрированными союзами и одинокими матерями. Семейные ценности и устойчивость супружеских отношений выступают важным фактором демографической стабильности. Снижение разводов, повышение престижа брака и формирование позитивного отношения к семейной жизни создают социальные условия для повышения рождаемости. Гибко меняющееся семейное законодательство ориентируется на современные тренды.

Однако современная молодежь в России демонстрирует неоднозначное отношение к браку. Многие приветствуют пробные браки и совместное проживание без официальной регистрации, что влияет на рождение детей вне брака или на формирование психологии *child free*. Но в целом признание института брака как основы семьи в России по-прежнему сохраняется как значимая ценность, способствующая планированию рождения детей.

Тренд на поздние браки и рост числа гражданских браков (без узаконения в государственных органах) снижает планы на детей. Повышение рождаемости в России связано с укреплением ценностей традиционного брака и семьи, снижением количества разводов и стимулированием узаконивания брачных отношений, которые создают более стабильную среду для рождения и воспитания детей [5].

4. Должностная (статусная) модель акцентирует роль профессионального и социального статуса [2]. Высокообразованные женщины чаще откладывают рождение из-за карьерных амбиций [10]. Исключение составляют страны с поддержкой работающих матерей, стимулирующие, в том числе, частные компании и крупные корпорации на создание условий и выработку мер поддержки для работающих матерей.

Как отмечает ВЦИОМ [8] В целом институт брака продолжает терять однозначную ценность и универсальность. Мотивации становятся менее прагматичными, меньше связаны с репродуктивными намерениями, менее репродуктивными и все более смешанными. И, по всей видимости, трансформация будет идти и дальше, новые поколения россиян уже сейчас воспринимают брак как символический выбор, а не обязательный этап

жизненного пути, связанный с детьми и созданием семьи. Институт семьи трансформируется, и вместе с ним меняются представления о мотивах вступления в брак. Брак сегодня и брак 20 лет назад — разные явления в общественном мнении: наблюдается сдвиг от универсальных традиционных, эмоциональных оснований вступления в брак в сторону индивидуализации брачных мотивов. Хотя мотивы любви и продолжения рода занимают первые места, их позиции заметно ослабли. Особенно резкое падение демонстрирует мотив продолжения рода (2005 г. — 39%, 2025 г. — 25%). По сути, происходит отделение родительства от брачных обязательств, связка «брак — дети» постепенно ослабевает. Этому факту может быть несколько объяснений: размываются границы брачных отношений на фоне распространённости «гражданского» брака (сожительства), гостевых или альтернативных форм отношений.

Известное влияние на рождаемость оказывают возрастные особенности родителей. Женщины и мужчины в России в возрастном диапазоне 25-34/ 30-39 лет проявляют наибольшую мотивацию к рождению детей, особенно второго и последующих детей, что связано, как правило, со стабильным доходом этой возрастной группы, устойчивым семейным положением, уверенностью людей этой возрастной группы в своих возможностях.

Молодые люди до 25 лет мотивированы эмоционально, но, как правило, не имеют достаточной финансовой стабильности, обеспеченности жильем, отсутствием кредитной истории [4], а у людей старше 40 лет в целом снижается мотивация к деторождению по состоянию здоровья, в силу моральной ответственности за пожилых родителей, за еще не совсем своих взрослых детей, которым требуется постоянная поддержка в условиях отсутствия «финансовой подушки».

Национальные особенности.

Даже развитые меры поддержки (декретные отпуска, льготы) не работают без учета культурных норм и традиций. В некоторых субъектах федерации (Чечня, Дагестан, Тыва) традиционно наблюдается значительно более высокая многодетность, связанная с культурно-религиозными традициями и семейными ценностями. Российская государственная политика учитывает эти различия, предлагая региональные и национально адаптированные меры поддержки [1].

Государственная политика России учитывает различные особенности (возрастные, национальные и др.) при стимулировании рождаемости и поддержке многодетных семей через такие ключевые меры, как:

- 1) возрастной подход. Реализуется через мероприятия, направленные на поддержку семей с детьми в наиболее активном репродуктивном возрасте (как правило, женщины 24-39 лет). Финансовая помощь при рождении первого ребенка, создание условий для совмещения работы и материнства, расширение доступности дошкольного образования, а также меры по поддержке подростков и молодых родителей;
- 2) учет национальных и культурных особенностей региональными органами исполнительной власти в рамках федерального законодательства. Субъекты Российской Федерации могут расширять категории многодетных семей и вводить дополнительные социальные меры поддержки, адаптированные под местные демографические и культурные особенности;
- 3) территориально дифференцированное финансирование, т.е., поддержка, направленная на регионы с низкими показателями рождаемости и особые меры поддержки для различных возрастных групп. Этот подход предусмотрен в новой Стратегии семейной и демографической политики до 2036 года;
- 4) поддержка многодетных семей через социальные выплаты, жилищные программы и стимулирование амбулаторного и семейного здоровья.

Таким образом, демографическая политика России строится на принципах индивидуализации мер поддержки и учета демографических реалий, что обеспечивает комплексный подход к стимулированию рождаемости с учетом различных особенностей.

Опрос, проведенный Аналитическим центром ВЦИОМ, свидетельствует о существенном изменении представлений россиян о браке и детях за два десятилетия. Количество детей вне брака все больше укрепляется как норма; родительство становится все более отложенным и часто наступает уже во втором или даже третьем браке.

Заметно снизился и мотив избегания одиночества посредством брака: люди все больше демонстрируют готовность жить без брачного партнера, эта практика нормализуется в общественном мнении. Утрачивает актуальность и брак «по расчету», подобные выгоды в наше время можно получить и без официального скрепления союза.

Единственный мотив, который окреп за 20 лет (его называют в три раза чаще, чем в 2005 г.), — вступление в брак в соответствии с религиозными и национальными традициями, «потому что так принято». Отчасти ритуальный мотив заме-

стил функциональные и эмоциональные мотивы, брак становится все более символическим. Особенно среди молодежи до 25 лет, где

Вместе с представлениями о браке меняется взгляд россиян и на роль женщины в семье. Ориентация женщин на профессиональную самореализацию — один из вызовов современной демографической ситуации [2]. Данные опроса отражают сдвиг в общественных установках в сторону более гибкой и сбалансированной модели материнства и работы. Каждый второй сегодня считает оптимальным сценарий, при котором женщина оставляет работу после рождения ребенка, но возвращается на нее по достижении ребенком трехлетнего возраста: на 16 % больше, чем в 2005 г. Во многом это произошло за счет популяризации темы психологии раннего детства в СМИ и медиа: если старшие поколения жили в условиях нормы «ясли в месяц», то современные родители слышали о важности для ребенка контакта с матерью в первые три года жизни.

Одновременно снижается поддержка более крайних моделей — как «работать сразу после рождения», так и «уходить из профессии надолго или навсегда». Поддержка идеи остаться дома до школы или вообще полностью посвятить себя семье тоже снижается. Люди ищут модель с балансом между материнством и занятостью, без потери одного из этих компонентов [3].

По мнению исследователей, комплексные институциональные меры (сочетание экономической поддержки, гарантий в сфере труда, пропаганды семейных ценностей и др.) способны повысить мотивацию к рождению детей, однако их результативность зависит от:

- устойчивости экономики к внешним шокам;
- региональной дифференциации (город — село, регионы с низкой занятостью);
- учёта гендерных и возрастных стратегий (например, поддержка молодых семей, а не только помощь многодетным).

В текущих условиях ключевым становится не столько объём институциональной поддержки, сколько её предсказуемость и адресность, минимизирующие риски для семей в условиях политической и экономической нестабильности.

Институциональные условия (экономические, трудовые, культурные, нормативно-правовые) опосредуют влияние социально-экономической ситуации на мотивацию к рождению детей. В условиях кризиса (нестабильность доходов, безработица, международные конфликты) развитые институты (гибкий рынок труда, гендерное равенство, доступная система ухода за детьми — childcare) снижают негативное влияние внешних факторов на репродуктивные решения, усиливая интегративную мотивацию через:

- экономические гарантии (субсидии, льготы);
- баланс работы и семьи (декретные отпуска, удаленная работа);
- легитимация альтернативных сценариев (позднее родительство, внебрачные дети).

Страх безработицы снижает репродуктивные планы, но пособия на детей частично нивелируют этот эффект.

Можно отметить и новый тренд в исследованиях: роль цифровизации (удаленная работа, гиг-экономика) как фактора, который может облегчать совмещение работы и родительства, но и усиливать нестабильность [6].

Средние показатели ожидаемого и желаемого числа детей заметно выросли за 20 лет. В 2005 г. среднее ожидаемое число детей составляло 1,9, в 2025 — уже 2,4. Желаемое число увеличилось еще сильнее: с 2,4 до 3,2. Таким образом, репродуктивные идеалы стали более «многодетными», при этом готовность к их практической реализации также усилилась, хотя и в меньшей степени.

Расхождение между желаемым и ожидаемым числом детей указывает на репродуктивный разрыв: многие хотели бы иметь больше детей, чем считают реально возможным. В 2005 г. этот разрыв составлял в среднем 0,5 ребенка, в 2025 г. — уже 0,8. Это говорит о сохраняющихся или даже усиливающихся барьерах к реализации репродуктивных планов.

Репродуктивный оптимизм мужчин выше, чем у женщин: у мужчин ожидаемое число детей выросло с 2,0 до 2,6, желаемое — с 2,5 до 3,6. Женщины, напротив, остаются более сдержанными: ожидают 2,3 ребенка, а желают — 2,8. С одной стороны, это ограничение: женщины лучше понимают тяготы родительства, ведь они буквально ощущают их на себе, поэтому осторожны в готовности рожать. С другой стороны, это точка роста для государственной политики в отношении семьи. Репродуктивный пыл мужчин нужно поддерживать, предлагать особый пакет мер для пап (например, поощрение отцовских декретов, преференции со стороны работодателей для отцов несовершеннолетних детей и другие). Так и мужчины смогут конвертировать свой отцовский энтузиазм в рождение ребенка, и женщины смогут получить больше вариативности и свободы в совмещении карьерных и семейных целей.

Еще одна проблема, выявленная в результате анализа эмпирических данных: большинство мужчин в молодом возрасте согласны на рождение только одного ребенка, а с повышением доходов, что чаще всего происходит к 35-40 годам, готовы к рождению еще одного ребенка. В это время женщины, готовые к рождению более

одного ребенка, отказываются от своих желаний, т.к. не готовы к беременности, опасаясь за здоровье.

Полученные социологические данные позволяют ставить множество вопросов и, прежде всего, о том, какие ресурсы необходимы, чтобы рождалось желаемое количество детей.

Данные о структуре семей по числу детей до 18 лет на 1000 населения по результатам переписей 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 и 2020 годов показывают, что в 2020 г. Количество семей с тремя и более детьми существенно выросло, преувисив показатели 1979 года.

Количество многодетных семей сегодня растет, однако не так быстро, чтобы компенсировать снижение числа детей у большей части населения, не считая мигрантов.

Наибольшее среднее желаемое количество детей наблюдается у людей среднего возраста (35-59 лет), тех кто в расцвете сил или уже прошел основной репродуктивный цикл. И этот показатель заметно вырос за 20 лет. Например, в группе 35—44 лет желаемое число выросло с 2,4 до 3,4, а у 45—59 лет — с 2,4 до 3,3. В старшем репродуктивном возрасте это и своего рода репродуктивное сожаление о нереализованных возможностях.

У молодежи (18—24 года) также выросло и желаемое (с 2,1 до 3,1), и ожидаемое число детей (с 1,9 до 2,4), что говорит об укреплении позитивного образа многодетной семьи среди молодежи [7].

За 20 лет в российском обществе выросло не только желаемое, но и ожидаемое число детей. Вместе с тем усиливается репродуктивный разрыв: общественные и личные идеалы становятся более «многодетными», но реализация этих установок сдерживается внешними обстоятельствами. Иными словами, есть социальный запрос на инфраструктуру и социокультурную среду, поддерживающую семью с двумя и более детьми, и необходимость создания условий, при которых желания перестанут расходиться с возможностями.

Список литературы:

[1] Архангельский В.Н. Региональная дифференциация рождаемости в России // В сборнике: Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: сборник статей X Уральского демографического форума. В 2-х томах. Институт экономики Уральского отделения Российской Академии Наук; отв. ред. О. А. Козлова. Екатеринбург, 2019. С. 16-27.

[2] Архангельский В.Н., Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В. Репродуктивное поведение российских

женщин в зависимости от образовательного статуса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 546-559

[3] Багирова А.П., Бледнова Н.Д. Совмещение профессионального и родительского труда в оценках уральских женщин: объективные и субъективные барьеры // Женщина в российском обществе. 2021. № 5. С. 150-167.

[4] Долгих А.Г., Захарова Е.И. Психологические особенности образа материнства у девушек в период вхождения во взрослость // Мир психологии. 2018. № 1 (93). С. 155-163.

[5] Жилина Н.М. Некоторые демографические показатели России в 2000-2021 годы // Социальные аспекты здоровья населения. 2023. Т. 69. № 6.

[6] Камарова Т.А., Маркова Т.Л., Тонких Н.В. Влияние цифровизации занятости на совмещение профессиональных и семейных обязанностей: субъективные оценки россиян // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16. № 6. С. 252-269.

[7] Панкратова Л.Э., Пермякова Т.В., Чебыкина И.В. Репродуктивные намерения и ориентации как факторы формирования репродуктивных стратегий студентов (по материалам эмпирического исследования). Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2024. № 6. С. 95-105.

[8] Семья и брак в России XXI века. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka>. Дата обращения 04.08.2025.

[9] Толстая С.В. Работа - семья: конфликт или взаимообогащение // Проблемы современной науки и образования. 2018. №7 (127). С.109-114.

[10] Чечик Е.А. Родительство и гендер в российской академической среде // Вопросы образования. 2023. №4. С.317-342.

References:

[1] Arkhangelsky V.N. Regional differentiation of fertility in Russia//In the collection: Socio-economic and demographic aspects of the implementation of

national projects in the region: a collection of articles of the X Ural Demographic Forum. In 2 volumes. Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; resp. ed. O. A. Kozlova. Yekaterinburg, 2019. S. 16-27.

[2] Arkhangelsky V.N., Shulgin S.G., Zinkina Yu.V. Reproductive behavior of Russian women depending on educational status//Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2020. Т. 20. № 3. P. 546-559

[3] Bagirova A.P., Blednova N.D. Combining professional and parental work in the assessments of Ural women: objective and subjective barriers// Woman in Russian society. 2021. S. S. 150-167.

[4] Dolgikh A.G., Zakharova E.I. Psychological features of the image of motherhood in girls during the period of entering adulthood//World of psychology. 2018. № 1 (93). S. 155-163.

[5] Zhilina N.M. Some demographic indicators of Russia in 2000-2021//Social aspects of population health. 2023. VOL. 69. № 6.

[6] Kamarova T.A., Markova T.L., Tonkikh N.V. The impact of digitalization of employment on the combination of professional and family responsibilities: subjective assessments of Russians//Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2023. Т. 16. № 6. S. 252-269.

[7] Pankratova L.E., Permyakova T.V., Chebykina I.V. Reproductive intentions and orientations as factors in the formation of students' reproductive strategies (based on empirical research). Economic and humanitarian studies of the regions. 2024. № 6. S. 95-105.

[8] Family and marriage in 21st century Russia. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka>. Date of 04.08.2025 appeal.

[9] Tolstaya S.V. Work - family: conflict or mutual enrichment//Problems of modern science and education. 2018. №7 (127). P.109-114.

[10] Chechik E.A. Parenthood and gender in the Russian academic environment//Education issues. 2023. №4. P.317-342.

